

МЕЖДУНАРОДНО-ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСНОВАНИЯ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Екатерина Воробьева

Основанием международно-правовой ответственности субъекта международного права, как правило, является совершение международно-противоправного деяния. Данное положение прямо следует из основного принципа права международной ответственности, в соответствии с которым каждое международно-противоправное деяние влечет международно-правовую ответственность. Применительно к международным организациям данный принцип находит свое отражение в статье 3 Проекта статей об ответственности международных организаций (ПСОМО), готовящегося в рамках Комиссии международного права ООН. Данная статья гласит: «каждое международно-противоправное деяние международной организации влечет за собой международную ответственность этой международной организации» [1, с. 42].

Понятие международно-противоправного деяния раскрывается, в первую очередь, через определение его элементной структуры. В международном праве общепризнано, что для констатации международно-противоправного деяния необходимо наличие двух элементов:

– поведения (действие или бездействие), которое может быть присвоено субъекту международного права (т. е. считается совершенным данным субъектом);

– нарушения международно-правового обязательства субъекта международного права.

Данные элементы выделяются в праве международной ответственности как необходимые для наличия международно-противоправного деяния любого субъекта международного права. Первый элемент называют *субъективным*, поскольку речь идет о поведении, которое может быть присвоено субъекту международного права. Второй элемент называют *объективным*. Он предусматривает, что присваиваемое субъекту поведение нарушает принятое им на себя международное обязательство [7, с. 86]. Данные элементы как составляющие международно-противоправного деяния были сформулированы в западной доктрине международного права. Они отражены в статье 2 Проекта статей об ответственности государств (ПСОГ) как элементы международно-противоправного деяния государства [11, с. 27]. По мнению израильского ученого М. Хирша, несмотря на то, что данные положения были сформулированы в контексте международно-правовой ответственности государств, они могут быть применены и сфере ответственности международных организаций [18, р. 13].

В советской доктрине международного права лишь несколько авторов (Д. Б. Левин, И. И. Лукашук) поддерживали такую двухэлементную структуру международно-правового деяния. Остальные ученые, исследовавшие проблему международной ответственности и оснований такой ответственности, придерживались иной позиции. В частности, В. А. Мазов критиковал двухэлементную структуру международно-противоправного деяния, принятую Комиссией международного права (КМП) при разработке ПСОГ, и отмечал, что присвоение как таковое не является элементом международного правонарушения [8, с. 42, 45]. П. М. Курис различал само правонарушение (его состав) как основание международно-правовой ответственности и условия осуществления этой ответственности. Нарушение международно-правового обязательства и присвоение такого нарушения субъекту П. М. Курис как раз причислял к условиям осуществления ответственности, но не к элементам состава международного правонарушения [5, с. 107–108, 154]. В качестве необходимых элементов международно-противоправного деяния и П. М. Курис, и В. А. Мазов выделяли объективные элементы – объект, противоправное поведение, ущерб, причинно-следственную связь, а также вину как обязательное составляющее субъективного элемента [5, с. 154; 8, с. 45].

По нашему мнению, понимание состава международно-противоправного деяния данными авторами отчасти обусловлено определенной привязкой к пониманию вины и состава правонарушения в национальном праве. Однако, как справедливо замечает Ю. М. Колосов, международное право – особое общественное явление, качественно отличающееся от национального права. Юридические понятия и категории внутригосударственного права только внешне совпадают с соответствующими международно-правовыми понятиями. По существу они зачастую совершенно различны, имеют иную природу, иное значение. Их внешнее (часто чисто терминологическое) совпадение только усложняет вопрос [4, с. 36]. В связи с этим необходимо отметить, что основное отличие состава международно-противоправного деяния от состава противоправного деяния в национальном праве состоит в том, что в международном праве вина и ущерб не являются элементами, необходимыми для констатации противоправного деяния.

Основателем концепции, в соответствии с которой вина не является обязательным элементом международно-противоправного деяния, был итальянский юрист Д. Анцилотти. В частности, в сво-

Автор:

Воробьева Екатерина Александровна – аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Мукашёв Сулейман Ибрагимович – кандидат юридических наук, советник Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств

Щукин Александр Валерьевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права Национальной академии наук Беларуси

ем труде «Общая теория ответственности государств в международном праве» ученый писал, что в межгосударственных отношениях не могут применяться принципы уголовной и гражданской ответственности, установленные во внутригосударственном праве [16, р. 101].

Ю. М. Колосов отмечал, что в международном праве вина — это сам факт совершения субъектом противоправного действия и для избежания смешения понятий в международном праве следует говорить не о вменении вины, а о вменении совершения действия [4, с. 41]. Д. Б. Левин также писал о том, что вменение вины в международном праве есть признание того, что субъект несет ответственность за нарушение международно-правовой нормы [6, с. 51]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что вменение вины в национальном праве аналогично присвоению поведения в международном праве.

Что касается ущерба как элемента международно-противоправного деяния, то при работе над статьями об ответственности организаций КМП пришла к выводу о том, что, как и в случае с государствами, ущерб не является тем элементом, который необходим для возникновения у международной организации международной ответственности [1, с. 43]. Такая же точка зрения подтверждается и доктриной. По мнению И. И. Лукашука, любое нарушение права другого субъекта означает причинение ущерба его законным интересам и уже в силу этого нет оснований выделять причинение ущерба в особый элемент [7, с. 89]. Ю. М. Колосов отмечает, что несоблюдение нормы международного права само по себе причиняет ущерб, выражающийся в подрыве доверия к договорным обязательствам, в пренебрежении нормами международного права [4, с. 52].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что международно-противоправное деяние межправительственной организации включает в себя субъективную сторону, которая состоит из субъекта, совершившего данное деяние, и присвоения этого деяния данному субъекту; а также объективную сторону, которая включает объект противоправного поведения и сам факт нарушения международно-правового обязательства. При этом вина и ущерб автоматически подразумеваются при любом международно-правовом деянии, а не являются необходимыми элементами такого деяния.

Элементы международно-противоправного деяния международной организации закреплены в пункте 2 статьи 3 Проекта статей об ответственности международных организаций следующим образом: «Международно-противоправное деяние международной организации имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии: присваивается международной организации по международному праву и представляет собой нарушение международно-правового обязательства этой международной организации» [1, с. 42]. Рассмотрим данные элементы подробнее.

Присвоение поведения международной организации. Для того чтобы привести в действие механизм международной ответственности, необходимо определить, является ли совершенное деяние деянием международной организации. В силу своей

специфики межправительственная организация как субъект международного права не может действовать самостоятельно. Она действует через физических лиц, составляющих ее органы или являющихся ее должностными лицами. Юридическая природа связей между данными лицами и организацией и позволяет определить, когда и при каких обстоятельствах их действия могут считаться действиями международной организации. Таким образом, институт присвоения позволяет нам определить, существует ли необходимая связь между противоправным деянием и субъектом международного права.

По смыслу термин «присвоение» (*attribution*) в международном праве является аналогом термина «вменение» (*imputability*), который используется во внутригосударственном праве. Однако не существует однозначного мнения о том, каким термином необходимо обозначать связь между совершенным деянием и субъектом в международном праве. Комиссия международного права, как и некоторые авторы, высказывается против переноса из национального права термина «вменение». В первую очередь, это связано опять же с тем, что в национальном праве данный термин используется в ином смысле и связан с понятием вины. КМП также считает, что термин «вменение» имеет некий уголовно-правовой оттенок, поэтому более предпочтительным было бы использовать термин «присвоение» [20, р. 165]. Однако, как замечает Ю. М. Колосов, дело не в самом термине, а в его содержании [4, с. 50]. Мы не можем с должной определенностью говорить о невозможности использования в международно-правовой ответственности термина «вменение». Необходимо лишь четко уяснить, что данный термин несет различную смысловую нагрузку в международном и в национальном праве. Тем не менее, использование термина «присвоение» в данной ситуации представляется оправданным и, возможно, необходимым для избежания постоянного проведения аналогий с национальным правом.

Согласно общему правилу, в международно-правовых отношениях субъекту присваивается только поведение его органов, а также иных лиц или образований, действующих по указанию, под руководством или контролем таких органов [7, с. 109]. В ПСОМО данное положение закреплено в пункте 1 статьи 4 следующим образом: «Поведение органа или агента международной организации при выполнении функций такого органа или агента рассматривается в качестве деяния такой организации по международному праву, независимо от положения, которое занимает этот орган или агент в структуре организации» [2, с. 104]. В пункте 2 данной статьи говорится, что «для целей пункта 1 термин "агент" включает должностные лица и другие лица или образования, через которые действует организация» [2, с. 104].

В основу присвоения поведения международной организации Комиссия положила *концепцию функциональной связи* между конкретным образованием (будь то орган, должностное лицо или агент) и данной организацией. В соответствии с этой концепцией значение имеет не какая-то определенная терминология или официальное определение данного образования во внутреннем праве организации, а то, какие функции оно реально выполняет.

Можно утверждать, что данная концепция сформирована в прецедентной практике Международного суда ООН. В своем консультативном заключении по делу «О возмещении ущерба, понесенного на службе в ООН» 1949 г. (*Reparation case*) Суд отмечал, что термин «агент» толкуется судом в самом широком смысле, т. е. как означающий любое лицо, которому независимо от того, является или не является оно должностным лицом, получающим денежное вознаграждение и находящимся или не находящимся на постоянной службе, поручено органом организации выполнять или помогать выполнять одну из его (органа) функций [19, р. 177]. Такое же расширенное толкование понятия «агент международной организации» было принято Судом и в другом консультативном заключении — «О применимости статьи VI, раздела 22 Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН» 1989 г. [17, р. 194].

Тем не менее, некоторые международные организации в своих комментариях к Проекту статей критично высказывались относительно использования в данном документе термина «агент», а также определения этого термина, данного КМП. Так, Международный валютный фонд (МВФ) оспаривает применимость вышеуказанных консультативных заключений Международного суда к данному вопросу и «безоглядную опору на них» и заявляет, что «только деяния должностных лиц, совершенные в их официальном качестве, могут быть присвоены организации» [10, с. 25–26]. Международная организация уголовной полиции (Интерпол) высказала довольно интересные замечания относительно применимости к ней положений, закрепленных в статье 4 ПСОМО. Дело в том, что в отношении данной организации может сложиться ситуация, когда какое-либо образование может быть органом или агентом и Интерпола, и государства одновременно. В данном случае речь идет о национальных центральных бюро (НЦБ) Интерпола. Несмотря на то, что в соответствии со статьей 5 Устава Интерпола НЦБ входят в число органов данной организации [14, с. 101], Интерпол отмечает в своих комментариях, что такие бюро должны рассматриваться в качестве либо органов, либо агентов Интерпола лишь в том, что касается особой функции поддержания связей, возложенной на них Уставом. Однако эта функция НЦБ обуславливается необходимостью соблюдения пределов законодательства, действующего в различных странах, и соответствием действий государств-членов законодательству их стран. В результате этого Интерпол никогда не осуществляет эффективный контроль над каким-либо НЦБ [10, с. 19–20].

Очень важным моментом при рассмотрении присвоения поведения органа или агента международной организации является официальное качество такого органа или агента. Поведение органа или агента присваивается международной организации лишь в том случае, если этот орган или агент на момент совершения противоправного деяния действовал в своем официальном качестве (т. е. исполнял возложенные на него функции). Соответственно, организация не может нести ответственность за действия своих агентов, совершивших такие действия в качестве частных лиц.

Каждая международная организация самостоятельно определяет функции своих органов или агентов. Обычно это закреплено в правилах организации. Для того чтобы констатировать наличие связи между определенным образованием и организацией и определить, что подразумевается под «официальным качеством» относительно конкретного органа или агента, необходимо обратиться к этим правилам. Пункт 3 статьи 4 ПСОМО говорит о том, что функции организации или агента определяются на основе правил организации [2, с. 104]. В своих комментариях к данной статье некоторые организации (Международное агентство по атомной энергии, Европейская комиссия от имени Европейского сообщества) отмечали, что помимо правил организации в качестве параметра, имеющего отношение к присвоению поведения международной организации, необходимо рассматривать международные договоры этой организации [9, с. 17].

Таким образом, можно констатировать, что в соответствии с общим правилом о присвоении поведения межправительственной организации, которое, в частности, отражено в Проекте, международной организации может быть присвоено поведение ее органов и агентов, действующих в официальном качестве и в рамках своей компетенции. При этом для целей присвоения не имеют значения:

- юридическая природа лица или образования (это может быть орган, должностное лицо либо любое лицо, через которое действует данная организация);
- положение, которое занимает этот орган или лицо в структуре организации.

Нарушение международного обязательства международной организацией. В соответствии со статьей 8 ПСОМО нарушение международной организацией международно-правового обязательства имеет место тогда, когда деяние данной международной организации не соответствует тому, что требует от нее данное обязательство, независимо от его происхождения и характера [3, с. 88].

Как указывается в пункте 2 статьи 3 Проекта, противоправное деяние организации может состоять как в действии, так и в бездействии [1, с. 42]. Бездействие представляет собой противоправное деяние, когда международная организация обязана совершить какое-либо позитивное действие, но не делает этого. Принцип, в соответствии с которым противоправное деяние может состоять как в действии, так и в бездействии, признан и в национальном, и в международном праве в отношении ответственности государств. Тем не менее, в некоторых комментариях к данному положению Проекта можно найти определенные сомнения относительно применимости этого принципа к ответственности межправительственных организаций. МВФ считает, что обязанность нести ответственность за бездействие может вызвать определенные проблемы, которые необязательно возникают применительно к ответственности государств. Например, такое бездействие может быть обусловлено особенностями процедуры принятия решений в конкретной организации [9, с. 14]. Однако такая позиция МВФ не была поддержана ни Специаль-

ным докладчиком, ни КМП в целом. Как отмечал по этому поводу Специальный докладчик, обязанность совершать какие-либо позитивные действия может возлагаться на международную организацию в соответствии с общепризнанными принципами международного права и трудности, связанные с процессом принятия решения, не могут оправдывать организацию в случае несовершения таких действий [13, с. 5].

Как уже отмечалось, в соответствии со статьей 8 ПСОМО, нарушение обязательства международной организации означает нарушение любого международно-правового обязательства *независимо от его происхождения*. Это означает, что нарушенное обязательство может вытекать из договорной нормы, обычной нормы либо общепризнанных принципов международного права. Обязательства могут вытекать также из решения Международного суда или арбитража. В комментарии к статьям об ответственности государств отмечается, что формула независимости происхождения обязательства обозначает все возможные источники международных обязательств, т. е. все процессы создания юридических обязательств, признанные международным правом [12, с. 118]. Однако в отношении международных организаций в данном контексте имеет место некоторая специфика, связанная с внутренним правом организации.

В пункте 2 статьи 8 Проекта указывается, что положения данной статьи распространяются также и на нарушения обязательства по международному праву, установленного правилами организации [3, с. 88]. Таким образом, может возникнуть вопрос о соотношении правил организации и общего международного права в данном контексте. В частности, все ли обязательства, вытекающие из внутреннего права организации, могут считаться ее международно-правовыми обязательствами.

В данном случае необходимо четко разграничить обязательства, вытекающие из правил организации, нарушение которых будет регулироваться нормами общего международного права (в частности, Проектом статей об ответственности международных организаций), и обязательства, также вытекающие из правил организации, нарушение которых регулируется нормами внутренней ответственности организации (ответственности по внутреннему праву). Здесь речь идет в основном об ответственности, возникающей в рамках правоотношений организации со своими служащими. Как отмечается в комментарии, в соответствии с положениями пункта 2 статьи 8 принципы, изложенные в проектах статей, применяются к обязательству, вытекающему из правил организации в той мере, в которой оно должно рассматриваться как обязательство по международному праву [3, с. 91].

По нашему мнению, необходимо установить четкие критерии для определения обязательства, вытекающего из правил организации, в качестве международно-правового. Необходимо исходить из того, что международно-правовое обязательство может возникать только для субъекта международного права. Следовательно, нарушением международно-правового обязательства организации может считаться нарушение тех норм, вытекающих из внутреннего права организации, которые создают

права и обязанности для субъектов международного права. Таким образом, для возникновения ответственности международной организации по общему международному праву она должна нарушить обязательства по отношению к субъекту международного права. Единственным исключением в данном контексте, пожалуй, является нарушение международной организацией своих обязательств в области прав человека.

Таким образом, проанализировав основные элементы международно-противоправного деяния международной организации, можно сформулировать следующее определение: международно-противоправное деяние международной организации заключается в поведении (действии или бездействии) ее органов или агентов, нарушающем международно-правовое обязательство данной организации.

Как известно, по отношению к государствам в международном праве все международно-противоправные деяния подразделяются на международные правонарушения и международные преступления. К последним относятся особо опасные международные правонарушения, посягающие на основные общепризнанные принципы международного права, затрагивающие законные интересы всех государств [5, с. 136]. Такое разделение также справедливо и в отношении международных организаций. Так, В. А. Мазов отмечает, что международная организация должна нести ответственность за такие действия, как пропаганда войны, расизм, акты агрессии и т. д., т. е. за действия, квалифицируемые в качестве международных преступлений [8, с. 146]. Схожей точки зрения придерживается и Е. А. Шибаева [15, с. 73].

Необходимо отметить, что в отношении как государств, так и международных организаций в литературе внимание в основном концентрируется на самом разделении международно-противоправных деяний на международные правонарушения и международные преступления. О конкретных основаниях возникновения международно-противоправных деяний упоминается лишь вскользь. Это связано, на наш взгляд, с отсутствием четкого разграничения оснований международно-правовой ответственности и оснований возникновения международно-противоправных деяний. Поэтому считаем необходимым провести такое разграничение, уделив внимание именно **основаниям возникновения международно-противоправных деяний межправительственной организации**.

Таким образом, следует различать основание международно-правовой ответственности, коим является международно-противоправное деяние, и основания возникновения международно-противоправных деяний (как международных преступлений, так и международных правонарушений). Естественно, основание возникновения международно-противоправного деяния является одновременно и основанием возникновения международной ответственности, в силу чего такое разделение может показаться искусственным. Однако само международно-противоправное деяние как основание международной ответственности является, на наш взгляд, более широким, общим понятием, которое необходимо развить, говоря о конкретных основаниях возникновения такого деяния.

По отношению к государствам подобные основания могут выделяться в соответствии с различными критериями и, безусловно, трудно привести их исчерпывающий перечень. В отношении межправительственных организаций можно утверждать, что основания возникновения международно-противоправного деяния организаций могут быть выделены, исходя из тех же критериев (например, в соответствии с основными разделами международного права, в зависимости от происхождения нарушенного обязательства и т. д.). Е. А. Шибаева выделяет основания возникновения противоправного деяния организации как раз в зависимости от происхождения обязательства [15, с. 73].

Специфика межправительственной организации как субъекта международного права заключается отчасти в том, что ее функционирование во многом зависит от поведения и волеизъявления государств-членов. Международная организация является своего рода «составным» субъектом, в состав которого входят другие субъекты международного права. Исходя из этого, для отражения специфики института ответственности международных организаций необходимо провести классификацию оснований возникновения международно-противоправных деяний организации, используя в качестве определяющего критерий *непосредственно действующего субъекта*. На основании данного критерия мы предлагаем следующую классификацию.

I. Основания возникновения международно-противоправного деяния, связанные с действиями самой международной организации (прямые основания).

1. Противоправное поведение органов или агентов, международной организации, действующих в рамках своих полномочий.
2. Противоправное поведение органов или агентов, превысивших полномочия или нарушивших указания (поведение *ultra vires*).
3. Противоправное поведение органов, переданных в распоряжение международной организации государством или другой международной организацией.

II. Основания возникновения международно-противоправного деяния, связанные с действиями другого субъекта (производные основания).

1. Помощь и содействие в совершении международно-противоправного деяния.
2. Руководство и контроль при совершении международно-противоправного деяния.
3. Принуждение к совершению международно-противоправного деяния.
4. Противоправные деяния, испрошенные или санкционированные международной организацией.

Принципиальным различием этих двух групп является то, что в первой из них при нарушении международно-правового обязательства действует *один субъект*. Во второй группе при нарушении одного и того же международного обязательства действуют *два субъекта*: один непосредственно совершает правонарушение, второй содействует ему в этом. Безусловно, второй субъект при этом также нарушает свое обязательство (по крайней мере, тем, что содействует совершению нарушения первым субъектом, хотя само нарушаемое обязательство также может быть и обязательством второго субъекта). Однако необходимо четко обозначить, что при разграничении этих двух групп оснований важным является то, *кто именно непосредственно нарушил основное обязательство*, т. е. обязательство, нарушение которого составляет существо дела.

Таким образом, в первой группе оснований непосредственно действующим субъектом является сама международная организация. Она нарушает свое международно-правовое обязательство и должна на этом основании нести международно-правовую ответственность. В данной группе не возникает вопросов с тем, является ли нарушенное обязательство обязательством организации, поэтому внимание акцентируется на вопросах присвоения. Основания, выделенные во второй группе, связаны с нарушением другим субъектом международного права своих обязательств. Поэтому вопрос связан прежде всего с тем, может ли организация нести ответственность за деяния, нарушающие обязательство другого субъекта (вопрос о том, должны ли при этом данные обязательства являться также и обязательствами этой организации, как раз и рассмотрен в готовящемся Проекте). Таким образом, во второй группе непосредственным нарушителем является не международная организация, а другой субъект. Несмотря на то, что в соответствии с положениями ПСОМО, закрепляющими основания, приведенные нами во второй группе, практически во всех ситуациях (кроме деяний, испрошенных или санкционированных международной организацией) этим другим субъектом может быть любое государство или международная организация, на наш взгляд, чаще всего таким субъектом будет выступать именно государство — член данной организации.

Перечисленные основания можно охарактеризовать также как основания, связанные с присвоением поведения (I группа), и основания, связанные с нарушением поведения (II группа).

Безусловно, данная классификация отчасти может быть использована и в отношении международно-противоправных деяний государств. Однако для международных организаций выделение оснований возникновения международно-противоправных деяний именно на основе указанного критерия представляется более оправданным, так как позволяет наилучшим образом раскрыть особенности института ответственности международных организаций и его специфику по отношению к институту ответственности государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят пятой сессии: док. ООН: А/58/10. Нью-Йорк: ООН, 2003.
2. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят шестой сессии: док. ООН: А/59/10. Нью-Йорк: ООН, 2004.
3. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят седьмой сессии: док. ООН: А/60/10. Нью-Йорк: ООН, 2005.
4. Колосов, Ю. М. Ответственность в международном праве. М.: Юрид. лит., 1975.
5. Курис, П. М. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс: Минтис, 1973.
6. Левин, Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М.: Междунар. отношения, 1966.
7. Лукашук, И. И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004.
8. Мазов, В. А. Ответственность в международном праве. М.: Юрид. лит., 1979.
9. Ответственность международных организаций. Комментарии и замечания международных организаций: док. ООН: А/CN.4/545. Нью-Йорк: ООН, 2004.
10. Ответственность международных организаций. Комментарии и замечания международных организаций: док. ООН: А/CN.4/556. Нью-Йорк: ООН, 2005.
11. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. // Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии: док. ООН: А/56/10. Нью-Йорк: ООН, 2001. С. 26–46.
12. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. со смежными комментариями // Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии: док. ООН: А/56/10. Нью-Йорк: ООН, 2001. С. 46–379.
13. Третий доклад об ответственности международных организаций, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джорджио Гая: док. ООН: А/CN.4/553. Нью-Йорк: ООН, 2005.
14. Устав Международной организации уголовной полиции // Действующее международное право: в 3 т. / сост.: Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. Т. 3. М.: Изд-во Москов. независим. ин-та междунар. права, 1999. С. 99–108.
15. Шибаева, Е. А. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций / Е. А. Шибаева, М. Поточный. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1988.
16. Anzilotti, D. Teoria generale della responsabilita dello stato nel diritto internazionale. Firenze: F. Lumani libraio editore, 1902. Parte I.
17. Applicability of article VI, section 22, of the Convention on privileges and immunities of the United Nations: advisory opinion of 15 December 1989 // International Court of Justice reports. 1989. P. 177–225.
18. Hirsch, M. The responsibility of international organizations toward third parties. Dordrecht; London: Nijhoff, 1995.
19. Reparation for injuries suffered in the service on the United Nations: advisory opinion of 11 April 1949 // International Court of Justice reports. 1949. P. 174–189.
20. Report of the International Law Commission on the work of its twenty-fifth session: UN Doc.: A/9010/Rev.1 // Yearbook of the International Law Commission. 1973. V. II. P. 161–237.

«Международно-противоправное деяние международной организации и основания его возникновения» (Екатерина Воробьева)

В статье раскрывается понятие международно-противоправного деяния межправительственной организации через определение его элементов. Делается вывод о том, что международно-противоправное деяние межправительственной организации включает в себя субъективную сторону, которая состоит из субъекта, совершившего данное деяние, и присвоения этого деяния данному субъекту, а также объективную сторону, которая включает объект противоправного поведения и сам факт нарушения международно-правового обязательства. При этом вина и ущерб автоматически подразумеваются при любом международно-правовом деянии, а не являются необходимыми элементами такого деяния. Элементы международно-противоправного деяния международной организации закреплены в пункте 2 статьи 3 Проекта статей об ответственности международных организаций следующим образом: «Международно-противоправное деяние международной организации имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии: присваивается международной организации по международному праву и представляет собой нарушение международно-правового обязательства этой международной организации». В основе присвоения поведения международной организации лежит концепция функциональной связи между конкретным образованием (будь то орган, должностное лицо или агент) и данной организацией. В соответствии с этой концепцией значение имеет не официальное определение такого образования во внутреннем праве организации, а то, какие функции оно реально выполняет и в чьих интересах действует. Нарушение международной организацией международно-правового обязательства имеет место тогда, когда деяние данной международной организации не соответствует тому, что требует от нее подобное обязательство, независимо от его происхождения и характера.

В статье обосновывается необходимость проведения разграничения оснований международно-правовой ответственности и оснований возникновения международно-противоправных деяний. На основе выделенного автором критерия непосредственно действующего субъекта основания возникновения международно-противоправного деяния разделены на: основания, связанные с действиями самой международной организации (прямые основания), и основания, связанные с действиями другого субъекта (производные основания).

«An Internationally Wrongful Act of the International Organization and the Grounds for Its Origin» (Ekaterina Vorobiova)

The article considers the notion of an internationally wrongful act of the intergovernmental organization through defining its elements. Internationally wrongful act includes the subjective side, which consists of the subject, who has committed this act and attribution of that act to this subject; and also the objective side, which consist of the object of the wrongful behavior and the fact of a breach of an international obligation. At the same

time, in contrast to the national law system the guilt and the damage are automatically implied in any internationally wrongful act. Elements of an internationally wrongful act of intergovernmental organization are reflected in article 3 (para. 2) of the Draft articles on the international organizations responsibility and read as follows: «There is an internationally wrongful act of international organization when conduct, consisting of an action or omission is attributable to the organizations under international law; and constitutes a breach of an international obligation of the organization». The attribution of conduct to the organization rests on the concept of functional linkage between the concrete entity (it may be an organ, an official or an agent) and the organization. In accordance with this concept significance is given not to the official determination of this entity, but to the functions it actually exercises and on whose behalf it is acting. There is a breach of an international obligation by the organization when an act of that organization is not in conformity with what is required of it by that obligation, regardless of its origin or character.

The article proves the necessity to distinguish between the grounds of international responsibility and the grounds for an internationally wrongful act. The author uses the criteria established – those of the actually acting subject – to separate the grounds for internationally wrongful acts into two groups: the grounds, connected with the actions of the organization itself (direct grounds) and the grounds, connected with the actions of another subject (derived grounds).